

УДК 162.5, 162.6
DOI: 10.17223/1998863X/57/7

А.В. Магун, И.Б. Микиртумов, А.А. Пархоменко

НАРРАТИВ И АФФЕКТ В АНАЛИЗЕ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ РИТОРИКИ¹

Исследуется нарратив внешнеполитической риторики РФ. Анализируются этапы его формирования (с 1994 г.), содержание, сюжетная структура и основание эффективности. Действие рассматриваемого нарратива в настоящее время состоит в реактивном амбивалентном аффекте, подпитывающем постоянную и пассивную возбужденность.

Ключевые слова: политическая риторика, нарратив, аффект, истерия.

В последние 15 лет во всем мире происходит то, что можно назвать *эмоционализацией* внешней политики и, в частности, ее риторики. Эта эмоционализация проявляется в мимике и жестикуляции (слезы, улыбки и т.д.), в интонационно-стилевом строе внешнеполитических речей (обилие восклицаний, прямых обращений к аудитории и риторических вопросов к отсутствующему собеседнику, яркие метафоры и просторечные выражения с позитивной и негативной окраской), а также в косвенных признаках, таких как повторы одного и того же аргумента, муссирование темы различными представителями государства и основными СМИ, политические действия, выглядящие скорее как жесты, нежели как целенаправленные стратегические ходы (например, террор или демонстративные ракетные обстрелы). Вот яркий пример эмоционального риторического стиля Президента РФ Владимира Путина в его Валдайской речи 2014 г.: «Зачем это надо было делать, смысл какой? Это что, цивилизованный способ решения вопросов? Видимо, те, кто без конца ляпают все новые и новые “цветные революции”, считают себя гениальными художниками и никак остановиться не могут» [1].

Довольно обширная уже литература по данному вопросу выделяет различные доминирующие эмоции и объяснения этих эмоций. Преобладает вполне очевидная версия о том, что данная риторика представителей РФ может быть объяснена некоторой коллективной психологией России как персонифицированного актора. Если такую персонификацию можно действительно провести (см.: [2, 3]), то получается, что основным аффектом «России» будет требование признания окружающих и фрустрация из-за отсутствия такого признания. Другими словами, мы имеем дело с аффектом «статуса», или, выражаясь языком Лии Гринфельд [4], с «рессентиментом», т.е. с негативной реакцией, раздраженностью против актора, обладающего, по мнению носителя рессентимента, более высоким статусом, но при этом не приводящей к разрыву с этим актором или к восстанию против него. Гринфельд рассматривает данную эмоцию как базовую для *националистической* идеологии.

¹ Исследование проведено в рамках проекта «Нарративы публичных коммуникация в современной России»: грант НИР за счет средств Санкт-Петербургского государственного университета, HUM 2018–2019, ID: 37602730.

О тревоге и гнев представителей РФ по поводу неподтвержденного статуса этой державы пишут многие авторы, в частности Т. Форсберг, Р. Хеллер [5, 6].

Еще один родственный непризнанию фактор, способствующий эмоциональной интенсивности тревоги и гнева, – это отсутствие ответа на запрос субъекта. Дмитрий Медведев, в частности говорил в 2008 г.: «Часто приходится слышать обращенные к Москве призывы к сдержанности. Сдержанность требуется от всех, чтобы остановить эскалацию по любому вопросу, разорвать порочный круг односторонних действий и реакции на эти действия. Отказаться от попыток форсировать развитие событий и проводить политику уже свершившихся фактов. Для начала неплохо бы просто взять паузу и осмотреться, где мы оказались и во что погружаемся, будь то Косово, расширение НАТО или противоракетная оборона... Предлагаю подумать над идеей и общеевропейского саммита, на котором можно было бы дать старт процессу разработки такого договора» [7].

Эмоционализация, против которой Медведев уже в 2008 г. призывает к «сдержанности», не представляет в целом тайны. В данной статье мы обратимся к частному вопросу о нарративной рамке эмоциональной риторики российской внешней политики и ее эволюции в последние 30 лет.

Как утверждал один из нас в 2016 г. [8], с 1990-х гг. российское общество с точки зрения доминирующего в СМИ аффекта проделало путь от коллективной «меланхолии» к коллективной «истерии», в том смысле что тенденция обращать негативные эмоции на себя в режиме самообвинения и разочарования в идеале (1990-е) сменилась течением 2000-х гг. экстерииоризацией негативности и проекцией ее на отношения с «Большим Другим» (Западом), выступающим одновременно и как идеал, и как соперник. Риторика ламентации (литании) в 1990-х гг. сменяется в 2000–2010-х гг. риторикой обвинения и провокации, направленной на внешних акторов.

Аффект аудитории – один из трех основных компонентов риторического воздействия, описанных еще Аристотелем (*Rhet.* II, 1). Традиционно в риторике под аффектом, или страстью (*pathos*), понимается не сама по себе эмоция (радость, грусть и пр.) и не интенциональная установка (желание, сомнение, убеждение и пр.), но комплекс, в который эмоции и установки входят, но центром которого является пропозициональное содержание. Пропозиция указывает на некоторое положение дел, эмоции отражают субъективный модус реакции на него, а установки разнообразными способами связывают данное положение дел с другими, воображаемыми. Как и у Аристотеля, у Томаса Гоббса [9. С. 83–96] аффекты (за несколькими исключениями) также предстают в качестве социальных конструкторов, которые, во-первых, существуют длительно и независимо от возможных разрешений или реализаций в действиях, во-вторых, сопряжены с тем, что Гоббс называет «*deliberation*» – обсуждение или размышление. Его можно понимать как дискурсивное рациональное обоснование выбора стратегии поведения в ситуации, вызвавшей аффект. Интернализированная субъектом дискурсивная природа аффекта делает его для новой риторики XX в. состоянием, порождающим проекцию реальности по дискурсивным схемам культуры [10. С. 264–268], так что каталог аффектов соответствует каталог заданных картин мира, способов их связывания и форм их переживания. С такого рода конструкторами работают и

некоторые направления современной теории аргументации, для которой компонентами коммуникативной задачи – риторической ситуации [11] – становятся не формализованные выражения языка, но совокупность сопровождающих их эмоциональных и интенциональных установок¹. При таком подходе всякое риторическое взаимодействие есть разрешение когнитивного или коммуникативного аффекта. Это позволяет дифференцировать функции дискурсивных форм, в частности нарратива, который, по-видимому, обладает наибольшей эффективностью при формировании массовых и длительно устойчивых аффектов (см.: [12]), локализуясь в частных схемах аргументации, таких как ссылка на свидетелей, рассуждение по аналогии, от примера и от прецедента [13. Р. 314–316, 344]. Нарратив редко присутствует в политической риторике в чистом виде: он фрагментарен, переплетен с элементами рассуждения и поучения и т.д.

В этой статье мы попытаемся ответить на вопрос о том, какими путями сегодня традиционный, но ослабленный нарратив продолжает воздействовать на коллективные аффекты в политической сфере. Материалом исследования послужит внешнеполитическая риторика российского правительства в период с середины 1990-х гг. до настоящего времени, в которой характеризуются место страны в мире и ее отношения с миром. Мы полагаем, что эта риторика имела форму нарратива, имеющего специфические жанровые и сюжетные черты. Для их описания мы будем использовать *две системы категорий*. Первая из них – это типизация «объяснения посредством построения сюжета» Хейдена Уайта [14. С. 26–29], предложенная им для историографии и включающая трагедию, комедию, роман и сатиру. Трагическое для Уайта соответствует ситуации, когда герой сталкивается с силами, на которые он никак не может повлиять и по отношению к которым у него не может быть ни заслуг, ни провинностей, а исход действия обнаруживает для зрителя пределы доступного для человека². «Романический» же нарратив предполагает активное взаимодействие героя со средой и контрагентами, его выход за предел действительного, конфликт, в котором герой претерпевает внутреннюю трансформацию, развитие и, возможно, одерживает победу, приводя действительность к новому состоянию. Вторая система категорий восходит к исторической поэтике (ср.: [15, 16], но классификация в данном случае наша собственная) и включает сентиментальное, сказочное и мифическое. Так, если героя трагедии лишить активности сопротивления, оставив ему на долю только способность испытывать негативные аффекты (печаль, слезы, скорби), то такой сюжет будет соответствовать либо средневековому жанру «страстей», либо сентиментальному роману XVIII в., где протагонист проходит через серию испытаний и страдает, вызывая сочувствие зрителя или читателя. В мифическом нарративе (восходящем либо к собственно архаическому мифу, либо к ранней мифологической сказке) либо в более позднем жанре «готики» герой противостоит чудовищу и триумфально побеждает его. Сказочный тип повествования тоже происходит из рассказа о героях, борющихся с чудовищами, но при этом несправедливо терпящих от сильных мира сего (например, Геракл или Иван-Дурак). В рассказе же мифическом герой, став

¹ Среди всех подходов к анализу аргументации наиболее определенно эта позиция заявлена в Non-formal logic.

² Ср.: у Аристотеля (*Poet.* 1452b38–1453a6).

воплощением сил добра как таковых, окончательно побеждает чудовище. В истории культуры такое повествование напрямую не связано с романом, отсюда параллельный характер этой классификации по отношению к вне-исторической классификации Уайта.

Эти два набора категорий, которые мы будем использовать для характеристики российского внешнеполитического нарратива, будут уточнять друг друга. Если следовать типизации Уайта, то, на наш взгляд, в этом нарративе присутствуют черты трагедии и романа, а в категориях исторической поэтики он колеблется между сентиментальным, мифическим и сказочным (не обязательно в этом порядке). В обеих системах координат, как мы увидим, наблюдается переход от преобладания одних элементов к другим: от литании в поисках сочувствия (трагическое, «страсти») к героическому самоутверждению (роман, сказка), которое в риторическом контексте оборачивается вызовом сильному врагу, и, наконец, к триумфу над силами зла без оглядки на авторитеты (миф).

Цель создания российскими политиками «рассказа» о новейшей истории страны очевидна и состоит в легитимации политических действий. Содержание этого «рассказа» формировалось в связи с несколькими ключевыми эпизодами, к числу которых относятся первая чеченская война (1994–1996), неудача России повлиять на ход разрешения конфликта в Косово (1998–1999), вторая чеченская война (1999), антизападный разворот в мюнхенской речи В. Путина (2007), попытки заключить соглашение с ЕС (2008–2009), конфликт с Грузией (2008), конфликт с Украиной и первый посткрымский период (2014–2017), риторика военного превосходства и новое обострение отношений с Западом (2018–2019). Ниже, опираясь на выступления президентов РФ Бориса Ельцина и Владимира Путина, а также на результаты, полученные другими авторами [17–23], мы, во-первых, воспроизведем основные смысловые элементы самого «рассказа», во-вторых, проанализируем их как выражение аффекта и инструмент управления аффектом аудитории.

От трагического к романическому

Центральным элементом содержания публичных коммуникаций власти с обществом в период начала первой чеченской войны (1994–1996) являлась идея выживания государства, недопущения его распада в «трагически» или сентиментально описываемых обстоятельствах. Преувеличенные угрозы, повсеместная негативная повестка при отсутствии какой-либо позитивной программы работали на формирование массовых аффектов страха, тревоги, неуверенности и установки безнадежности и бессилия. Это позволило, например, в обращении Президента РФ Ельцина к гражданам 27 декабря 1994 г. ограничиться следующим нарративом: существованию Российского государства угрожают профессиональные террористы, наемники, бандиты, в Чечне нет легитимной власти, а критики военного решения пытаются заработать себе политический капитал [24]. Позже, в выступлении Ельцина 17 июля 1995 г. на саммите в Галифаксе, Чечня была охарактеризована как центр международного терроризма, коррупции и мафии. Тогда же прозвучала фраза об «оголтелых бандитах с черными повязками» [25]. Для риторики Ельцина в целом характерны нарочитый «мужичий» примитивизм, псевдонародность языка и образности. В коммуникации это позволяет игнорировать факты, не

соблюдать последовательность в рассуждениях, перескакивать с темы на тему, отвечать на вопросы репризами (самая знаменитая – «38 снайперов»). В этой риторической стратегии обществу был представлен трагически (сентиментально) окрашенный нарратив, в котором Россия предстает как жертва немотивированного нападения извне неизвестных сил криминального характера, цель которых – разрушение страны. Враждебные силы остаются непонятными, лишены субъектности, обществу предлагается чувствовать себя жертвой непреодолимых обстоятельств и надеяться на чудесное избавление. В столкновении с иррациональными силами зла сентиментальное описание страданий переходит в мифическое (или готическое) противостояние «чудовищам». Данный нарратив характеризовал не только риторику российского руководства, но и общее отношение мирового сообщества к терроризму на протяжении 1990–2000-х гг. В то же время чеченские боевики действительно прибегли к террористической тактике, которая, помимо собственно военного, сама включает в себя риторический компонент в духе именно того же самого нарратива из обратной перспективы («пусть помучаются» и «мы – страшные чудовища»). Поэтому негативные аффекты в российской риторике были воспроизведены на Западе. Риторическим инструментом, который сделал это возможным, снова оказывается формула «страна стала трагической жертвой бандитов», позволяющая собеседникам выражать сочувствие и не задавать вопросов.

Статус жертвы «трагических» или «сентиментальных» обстоятельств в чем-то привлекателен и возвышен. С самого начала Перестройки это предопределило симпатию на Западе к реформировавшемуся СССР и его гражданам, вылившуюся в конечном счете в значимую помощь постсоветским странам в самые трудные для них времена. Но сочувствие к страдающим не переходит автоматически в признание их интересов или в уступки им в конфликтных ситуациях. В этом российскому руководству пришлось убедиться после длительных и неудачных попыток мирного урегулирования конфликта в Косово. Отмена визита тогдашнего премьера Евгения Примакова в США и его возвращение с полпути было ярким демаршем и риторическим жестом, но последовавшее на следующий день телеобращение Ельцина имело характер ламентации, нелепо-наивного призыва, направленного мировой общественности с позиции обиженного: «Это удар по всему международному сообществу... Я обращаюсь ко всему миру... Давайте, пока еще остались какие-то минуты, мы убедим Клинтона не делать того трагического драматического шага» [26]. Подобный дискурс властей в этот период коррелирует с общекультурной установкой на ламентацию в российском обществе [27, 28]. Следует обратить внимание на контраст данного телеобращения с высказываниями российских политиков, особенно антизападного и националистического направления, например с заявлением некоего Народно-Патриотического союза, под которым стояла и подпись лидера КПРФ Геннадия Зюганова, где говорилось о мерах, «способных остановить технотронный фашизм Америки» [29], а также с заявлениями самого Примакова.

Год спустя, уже после отставки, в книге «Президентский марафон» Ельцин, комментируя «принуждение к миру» Сербии, напишет: «...Скоро сила, и только сила, одной страны или группы стран будет решать в мире все. Вместо психологии всемирного миротворца явно просматривается психология все-

мирного вышибалы, а в конечном итоге – психология страны-диктатора» [30. С. 254]. Антиамериканский и антизападный нарратив изначально принадлежал противникам Перестройки, а затем радикальной и маргинальной оппозиции новому российскому режиму. Но, начиная с косовского эпизода, он постепенно становится частью публичного дискурса правительства как компенсация неудачи. Сентиментальный, ламентационный модус страдания вследствие активности *непонятно откуда* и почему вредящих тебе сил логично сменяется здесь, скорее, сказочной фабулой отношений с сильным и недружественным контрагентом – обидчиком, с которым возможны тем не менее личные отношения диалога (Давид и Голиаф, Иван-Дурак и Царь и т.д.).

Вторая чеченская война, последовавшая за августовским вторжением в Дагестан и серией терактов осени 1999 г., не потребовала нового нарратива. 11 августа 1999 г. «Российская газета» приводит спокойные по тону слова Путина: «Комплекс мер по наведению порядка и дисциплины в Дагестане одобрен Президентом России и будет последовательно претворяться в жизнь... мы имеем дело с нарушением законности и проявлениями терроризма... необходимо искоренить условия, причины, порождающие явления такого рода» [31]. 16 августа 1999 г., выступая в Государственной Думе, Путин воспроизводит уже известные позиции – единство страны, борьба с террористами, но добавляет указание на необходимость «повышения авторитета России», которая «на протяжении столетий была и остается великой державой», у которой «есть и останутся свои законные интересы в ближнем и дальнем зарубежье», которых «не нужно стыдиться» [32]. Если первая чеченская война отразилась на поддержке власти исключительно негативно (в частности, в силу общего сентиментального настроения, способствующего состраданию к жертвам), то вторая в гораздо большей степени воспринималась обществом как оправданная и способствовала политической мобилизации. В правительственной риторике этого периода используются оппозиции мифологического типа «порядок–хаос», «порядок–беспорядок», «власть–безвластие», «единство–развал». Здесь есть преимущество по отношению к дискурсу «порядка» в 1990-е гг., но рядом с сентиментальным нарративом постепенно встает матричный, сугубо мифический, а в терминах Уайта – романский, нарратив о смелом герое, при помощи которого культура побеждает хаос. Последовавшая вскоре внутривластная реакция сделала морально-сентиментальные вопросы о жертвах войны и нарушениях прав человека частью *оппозиционной* повестки, тем самым их в значительной степени обесценив. Происходившие в следующие годы в разных странах террористические акты и развернувшаяся борьба с группировками исламских радикалов позволили, во-первых, избежать формирования негативного общественного мнения в отношении России в связи с чеченской войной, во-вторых, использовать мифоготическую риторику о террористах и бандитах, обходясь без образа конкретного врага, игнорируя природу конфликта и субъектность противника. Подобная риторика на Западе легитимировала различные ограничительные меры государства, карательные операции, нелегальные тюрьмы, тотальную слежку за обменом информацией и пр., вызвавшие, впрочем, острую критику (см. напр.: [33]).

Следующий поворот в «рассказе» о России произошел в так называемой Мюнхенской речи Путина 10 февраля 2007 г. В ней прозвучала критика им-

периализма США, риторически обращенная к политикам Запада. Отмечалось, что мир в эпоху противостояния СССР и США был «страшноватый», но надежный, а «сегодня» он стал ненадежным. США представляли, в частности, как угроза существующему режиму власти в РФ¹. Эта речь стала предметом бесчисленных комментариев, которые здесь нет смысла обсуждать, мы же реконструируем ее нарратив:

«Россия – это миролюбивое государство, а США и их союзники, сами по себе авторитетные государства и адресаты данной речи, будучи одержимыми ложными амбициями, проводят политику глупую и безуспешную. Они пытаются достичь абсолютного доминирования всеми средствами, в том числе военными. Их неверные действия дестабилизируют мир, чем провоцируют терроризм. Обещаний своих они не выполняют, доверять им нельзя. Россию пытаются подавить в военном отношении, ущемляют ее экономические интересы, используют внутренних агентов влияния. Россия морально права, она не давала поводов для этой враждебности и вынуждена на нее отвечать».

Прежняя ламентативная нота беспричинного страдания сменяется здесь обвинением-вызовом контрагенту, который «узнан» как противник². В этом «рассказе» ключевым моментом является указание на иррациональную враждебность Запада, к которому тем не менее идет риторическая апелляция. Констатировать ошибочную и недальновидную политику Запада («Царя») может только разумное и доброе начало, каковым, следовательно, и является Россия. Тем самым ей приписывается статус не только правой, но и вменяемой стороны, на плечи которой ложится бремя ответственности за все происходящее в мире, которое, возможно, делится с другими вменяемыми носителями доброй воли, альтернативными странам Запада центрами силы. Россия, однако, выступает здесь как бунтарь, оппозиционер – роль, которая ранее приписывалась, скорее, террористам и силам хаоса. В терминах Уайта имеет место переход от трагедии к роману. В наших же терминах нельзя не заметить, что происходит своего рода диалектический синтез логики ламентации и логики мифа, подобный тому, что исторически произошел в волшебной сказке: Россия – и консервативная опора порядка, и ревизионистский бунтарь против этого порядка, а Запад – и ненавистный авторитарный тиран, и опора, правда, ненамеренная, сил хаоса (террористов). Здесь формируется весьма живучая идеологическая матрица современной российской политика, объединяющая – что характерно для идеологии – две противоречивых истории в одну.

Новые элементы рассматриваемого нами «нарратива» были привнесены в начале 2014 г., после того как украинский внутривластный кризис перерос в российско-украинский конфликт. 18 марта 2014 г. Владимир Путин выступил перед Федеральным Собранием в ходе принятия Республики Крым в состав РФ³. Первые ноты речи фаталистические, сентиментальные, причем даже с элементами трагизма: распался СССР, «то, что казалось невероятным, стало реальностью» вследствие неизвестных причин, русские стали «разделенным народом», Россия «опустила голову и смирилась, проглотила эту обиду», но на самом деле «смириться с вопиющей исторической несправед-

¹ Цит. по сайту <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24034> (дата обращения: 20.05.2019).

² На роль «узнавания» в трагедии указывает Аристотель (*Poet.* 1452a30-1452b2).

³ Цит. по сайту <http://kremlin.ru/events/president/news/20603> (дата обращения: 25.05.2019).

ливостью» – принадлежностью Крыма Украине – не могла. Далее описывается враждебная и «непрофессиональная» политика США и стран НАТО, что продолжает логику Мюнхенской речи и переходит в мобилизационный «фас-сказ» о попытке Запада в лице США и НАТО подчинить себе Украину и захватить Крым как военный плацдарм. Действует Запад, как всегда, без каких-либо разумных оснований и без всяких поводов со стороны России, видимо, в силу своих безмерных амбиций и просто невменяемости. Россию атакуют на ее исторических землях, в братской стране руками «боевиков-неофашистов», внутри же России поддерживают внутренних врагов, собираясь устроить «цветную» революцию. Запад здесь предстает как иррациональный актер, наподобие террористов, хотя ранее он подавался как недалекий властитель, действующий в своей ущербной логике. Это эмоциональный момент, который в дальнейшем из риторики Путина уходит, но он знаменателен как симптом перехода от сказочного обратно к мифическому нарративу.

Последним поворотным пунктом «рассказа» о месте России в мире, который мы пытаемся воспроизвести, становятся послания Президента Федеральному Собранию 2018 и 2019 гг., из которых первое наиболее значимо. Внешнеполитический и военный разделы представляют собой одно целое: «Сдержать Россию не удалось», в сфере вооружений – «все восстановлено»¹. Недавнее прошлое описывается нотами печали, уже известными по Мюнхенской и Крымской речам, но центральным элементом речи становятся обретение голоса и обращение к Западу, где в трудный для страны период «сложилось устойчивое мнение, что... нет и никакого смысла считаться с мнением России...» Путин указывает: Россия предупреждала, что подобный подход неприемлем, но не была услышана: «...Нет, с нами никто по существу не хотел разговаривать, нас никто не слушал. Послушайте сейчас». Эти слова имеют многоплановую прагматику: вначале адресатом является аудитория, затем оратор идентифицирует себя с ней и, наконец, совершает общее обращение к отсутствующему собеседнику, о котором известно, что он «не хочет разговаривать и не слушает». Перед нами своеобразная «диатриба», общение с отсутствующим собеседником, которое является характерным для определенного типа эмоций, инсценирующих магический нарратив по заклинанию внешних сил, потенциализации того, что потенциала не имеет [34], но в то же время действенных, поскольку они приводят к насильственному обращению внимания «собеседника». В нарративном смысле мы переходим здесь от сказки о герое и царе-обидчике к архаическому нарративу прямого действия, где герой напрямую торжествует над чудовищем, а общение с царями отходит на второй план. Мы видим, что этот третий нарратив возвращает нас к первому – он опять не диалогичен и опять сталкивает культурного героя с иррациональными силами зла. Речь построена как рапорт об отражении всех угроз, на которые указывалось ранее, начиная с Мюнхенской речи, но из текста выламывается ламентационный тезис о нежелании партнеров разговаривать; упоминание о «всеобъемлющем стратегическом партнерстве» с Китаем и о хороших отношениях с рядом других стран говорит об альтернативах признания, а рассказ о новых вооружениях завершается избыточной эмфазой «это не блеф, поверьте».

¹ Цит. по сайту <http://kremlin.ru/events/president/news/56957> (дата обращения: 27.05.2019).

Можно констатировать, что по крайней мере с 1994 г. содержание «расказа» о месте России в мире нарастает кумулятивно и образует единое целое. Это подтверждается и исследованием Оксаны Дроздовой и Поля Робинсона, которое основывается на обработке сотен текстов. Они отмечают постоянство содержания правительственной риторики во многих аспектах, а в отношении внешней политики делают вывод о двух этапах. Первый из них – до Мюнхенской речи – был временем надежд на успешное сотрудничество с Западом, а второй связан с разочарованием Путина в Западе вследствие его отказа поддержать идею «Европы от Лиссабона до Владивостока» и сохранения приверженности системе блоков [16. С. 12–14, 15]. Этот вывод требует уточнения. В своей работе Дроздова и Робинсон обрабатывают текстовые материалы, но намеренно избегают анализа их прагматики. Сказанное и написанное принимается поэтому как презентация мнений автора, но не как инструмент воздействия на аудиторию, заявления намерений, перехвата повестки и аргументов противника или же отвлечения внимания. Иными словами, если речь идет об анализе риторической самопрезентации российской власти, то вывод о «разочаровании» оказывается ее частью и должен прочитываться аудиторией, удерживающей в памяти весь нарратив. Имеет ли это отношение к действительности, – вопрос, выводящий именно на прагматику текстов, которая не анализируется. Приведенные выше и относящиеся к 1999–2000 гг. комментарии событий в Косово показывают, что образ Запада, стремящегося к мировому диктату, ограниченно использовался в официальной риторике уже тогда. Это позволяет причислить мотив «разочарования» к числу риторических маневров, занимающих свое место в нарративе, в котором как раз в Мюнхенской речи запечатлено «узнавание» врага. Разочарование – аффект, фиксирующий во временном аспекте амбивалентность риторики российских властей по отношению к Западу: очевидная «очарованность», идентификация с западными лидерами и политикой (Россия как часть Европы, мира порядка и процветания) столкнулись с пренебрежением контрагента, что, в соответствии с классическим анализом Аристотеля в «Риторике», вызвало *гнев*, сопровождаемый печалью относительно собственных прошлых иллюзий. Амбивалентность подобного рода в целом способствует усилению и долговременности аффекта (ср.: [35]).

Суммируем теперь кратко предлагаемый властными авторитетами «расказ» о судьбе и месте России в международных отношениях в последние 25 лет.

СССР распался в силу трагических обстоятельств, и в силу таких же обстоятельств Россия в 1990-е гг. оказалась в глубоком кризисе и на грани распада. Враждебные агенты проникали извне и извне же поддерживались. Амбициозный, маниакальный и недалекий царь-Запад (США и НАТО) притворялся дружественным, но, пользуясь слабостью России, попытался стать мировым диктатором, повсеместно применяет силу, разжигает конфликты. Он отказывается от сотрудничества, обманывает, пытается вмешиваться в наши внутренние дела и учить нас жизни, обкладывает Россию военными базами, финансирует ее внутренних врагов и препятствует экономическому развитию. Все это не от какой-то особой ненависти, а, скорее, из преступного пренебрежения к России как великой державе.

Эпизодом враждебной и бессмысленной активности Запада стала попытка подчинения Украины силами боевиков-неофашистов, которая была пресе-

чена. В целом же у Запада ничего не получается в силу его внутреннего разложения, непонимания того, как устроен мир, неспособности слушать и сотрудничать, а также потому, что в мире есть сдерживающие его силы. Россия – одна из таких сил, на ней держится глобальная безопасность, и у нее есть соответствующие интересы. Россия восстановила статус сверхдержавы, возвратила себе исконные земли, наладила стратегическое партнерство с рядом мировых держав. Запад, однако, продолжает «нас» игнорировать и «нам» вредить, хотя все его усилия бесполезны.

Этот нарратив последователен, но он ломает рамки как одномерного нарратива – уайтовских «трагедии» и «романа», так и сентиментальной lamentации и мифически-готической борьбы с чудовищами. Два начала «рассказа» – сентиментальное и мифическое (прорыв сил зла и страдания народа) относятся к 1990-м гг., а в его сказочном продолжении разочарование в одном предмете (Запад) через внутренний рост переходит в сопротивление ему и в столкновение с ним, в котором обретается хрупкая символическая победа (герой, столкнувшись с пренебрежением, тем не менее завоевывает признание, прыгает «из грязи в князи»). Попутно возникает гармонический союз с другим предметом (альтернативные центры силы на Востоке), а первый наказан и теряет разум в бессильной злобе. Здесь снова возникает готически-мифический момент, ибо враждебность и безумие Запада необъяснимы¹. Но это же и придает «рассказу» оттенки романического, по Уайту, ибо сказочная трансформация героя происходит в игре любви и ненависти – конфликте с контрагентом, имеющим неполную субъектность. Победа над судьбой здесь намного значимее победы над людьми, что должно воплощаться и в структуре аффектации, которая вызывается различными элементами нарратива. По отношению к злу, причиняемому неуправляемыми силами и безо всякой вины, возникает не страх, а ужас, – аффект негативный, деморализующий и приводящий к установкам бессилия и безнадежности. Освобождение от него происходит в пространстве мифического. С узнаванием же противника в Западе (США и НАТО) возникает субъект, в отношении которого испытываются как вызванный его пренебрежительным отношением гнев, так и негодование. Становящаяся результатом соперничества победа вызывает аффект удовольствия, открывающий путь для возвышающей иронии по поводу провалившихся планов соперника и его неполной вменяемости. Но провозглашение победы оказывается двусмысленным, поскольку ему сопутствуют постоянные эмоциональные обращения к Западу. Они ставят под вопрос и разрыв с ним, и независимость от него, возвращают к несбывшимся надеждам и к травме разрыва, конструируя, таким образом, истерическую модель переживания сюжета нарратива, которая подпитывает постоянную и пассивную возбужденность.

Заключение

Современная интенсификация аффекта в политике часто объясняется психологическими и даже неврологическими причинами, однако мы в данной статье попытались поместить ее в риторический и литературный контекст.

¹ Безумие здесь следует толковать уже в иной системе понятий, ибо оно не инфернально и не священо, но представляет собой патологию.

Политики, формирующие национальную политику РФ, исходят из определенных нарративных конструкций, которые, в согласии с классическими концепциями риторики, канализируют негативные эмоции аудитории и усиливают их. Эмоциональность политики связана с амбивалентностью отношений, которая в рамках любого нарратива распределяется во времени и осмысливается как неожиданное столкновение со злыми силами или как фрустрация надежд и отталкивание обращений. В первом случае нарратив («трагический» или «сентиментальный») рассказывает о стремлении России к светлому будущему, которое наталкивается на ее злую судьбу и нападения варваров. Во втором случае добрые намерения и дружеские инициативы России наталкиваются на глухую стену пренебрежения со стороны Запада, и все это в контексте непрекращающихся столкновений со злыми силами. В этот момент идентичность России определяется *амбивалентно*, как идентичность жертвы и как идентичность героя, что и рождает огромное напряжение, выливающееся периодически в международные конфликты. В третий, текущий, период, фрустрации и атаки злых сил вытесняются в прошлое, и «рассказ» исходит из уже произошедшей победы и успешного самоутверждения страны, не нуждающейся больше во внешнем признании: происходит возврат к исходной модели политического одиночества, которая теперь должна вызывать уже не печаль, но гордость.

Как становится видно из нашего анализа, из интенсивного общения с Западом по модели романа, героической сказки или «истерии» есть выход к более замкнутой мифической модели «триумфа героя над чудовищем», в котором он в большей мере опирается на свои силы и уходит от бессмысленного диалога с «царями». При всей своей условности этот нарратив менее эмоционально заряжен, чем первые два, и, возможно, мог бы уменьшить напряженность внешнеполитического процесса, если только он не является одной из фаз гнева, конструируемого диалогически в духе гомеровского Ахилла: обида, уход с международных форумов, ожидание уговоров.

Литература

1. Путин В.В. Выступление на заседании международного дискуссионного клуба Валдай, 24.10.2014. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/46860> (дата обращения: 30.09.2019).
2. Wendt A. The State as Person in International Theory // Review of International Studies. 2004. Vol. 30 (02). P. 289–316.
3. Sucharo M. The International Self: Psychoanalysis and the Search for Israeli-Palestinian Peace. Albany, NY : State University of New York Press, 2005.
4. Greenfeld L. Nationalism: Five Roads to Modernity. Cambridge, MA : Harvard University Press, 1992.
5. Forsberg T. Status conflicts between Russia and the West: Perceptions and emotional biases // Communist and Post-Communist Studies. 2014. Vol. 47. P. 323–331.
6. Heller R. More Rigor to Emotions! // Research in Emotions in International Relations / eds.: M. Clement, E. Sangard. London : Palgrave, 2018.
7. Медведев Д. Выступление на встрече с представителями политических, парламентских и общественных кругов Германии 5 июня 2008 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/320> (дата обращения: 30.09.2019).
8. Magun A. Hysterical Machiavellianism: Russian Foreign Policy and the International Non-Relation // Theory & Event. 2016. Vol. 19, № 3.
9. Гоббс Т. Левиафан / пер. с англ. А. Гутермана // Избранные произведения : в 2 т. М. : Мысль, 1964. Т. 1.
10. Дюбуа Ж., Эделин Ф., Клинкаберг Ж.-М., Мэнгре Ф., Пир Ф., Тринон А. Общая риторика. М. : Прогресс, 1986.

11. Bitzer L. The Rhetorical Situation // *Philosophy and Rhetoric*. 1968. Vol. 1. P. 1–14
12. Fisher W.R. Human Communication as Narration. Toward a Philosophy of Reason, Value, and Action. Columbia : University of South Carolina Press, 1987.
13. Walton D., Reed Ch., Macagno F. Argumentation Schemes. Cambridge : Cambridge University Press, 2008.
14. Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX в. // пер. с англ. под ред. Е.Г. Трубиной и В.В. Харитоновой. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2002.
15. Мелетинский Е. Введение в историческую поэтику эпоса и романа. М. : Наука, 1986.
16. McLeón M. Theory of the Novel: A Historical Approach. Baltimore : John Hopkins University Press, 2000.
17. Drozdova O., Robinson P. A Study of Vladimir Putin's Rhetoric // *Europe-Asia Studies*. 2019. Vol. 71 (4). P. 1–19. DOI: 10.1080/09668136.2019.1603362.
18. Korguntyuk Y. Populist tactics and populist rhetoric in political parties of Post-Soviet Russia // *Sociedade e Cultura*. Goiânia. 2010. Vol. 13, № 2. P. 233–245.
19. Duță A.-E. Case study: the expression of nationalism in Vladimir Putin's rhetoric // *Research and Science Today*. 2017. Vol. 2 (14). P. 12–22.
20. Kupfer M., de Waal T. Crying Genocide: Use and Abuse of Political Rhetoric in Russia and Ukraine // Carnegie Endowment for International Peace. URL: <https://carnegieendowment.org/2014/07/28/crying-genocide-use-and-abuse-of-political-rhetoric-in-russia-and-ukraine-pub-56265> (accessed: 30.09.2019).
21. Bershidsky L. The return of 1980s rhetoric in Russia // *The Japan Times*. 2014. Feb 21. URL: <https://www.japantimes.co.jp> (accessed: 30.09.2019).
22. Borgen Ch. Law, Rhetoric, Strategy: Russia and Self-Determination Before and After Crimea // *International Law Studies*. 2015. Vol. 91. P. 218–280.
23. Tchapanian V. A critical analysis of speeches by President Vladimir Putin and President Barack Obama concerning the Crimean events // *Arts and Humanities in Higher Education*. 2016. Vol. 1-2 (20). P. 31–38.
24. Обращение Президента РФ Б.Н. Ельцина к гражданам Российской Федерации в связи с ситуацией в Чеченской республике 27 декабря 1994 г. URL: <https://yeltsin.ru/archive/audio/9036/> (дата обращения: 30.09.2019).
25. Канадский бенефис Бориса Ельцина // *Коммерсантъ*. 1995. 20 июня. № 122. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/111315> (дата обращения: 30.09.2019).
26. Телеобращение президента России Бориса Ельцина 24 марта 1999 г. // *Коммерсантъ*. 1999. 25 марта. № 48. С. 2.
27. Русские Разговоры. М. : НЛЮ, 2003.
28. Магун А.В. Отрицательная революция. СПб. : ЕУ СПб, 2008.
29. Камышев А. Коммунисты готовы к войне // *Коммерсантъ*. 1999. 26 марта. № 49. С. 3.
30. Ельцин Б.Н. Президентский марафон: размышления, воспоминания, впечатления. М. : Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2008.
31. Комплекс мер по наведению порядка и дисциплины в Дагестане одобрен Президентом России и будет последовательно претворяться в жизнь», – заявил Владимир Путин // *Рос. газ*. 1999. 11 авг. С. 1–2.
32. Владимир Путин говорит о главном // *Рос. газ*. 1999. 17 авг. С. 1, 3.
33. Глюксман А. Достоевский на Манхэттене / пер. В. Бабинцев. М. : У-Фактория, 2006.
34. Сартр Ж.-П. Очерк теории эмоций / пер. с фр. Е.Е. Насиновской и А.А. Пузыря // *Психология эмоций / сост. В.К. Вилноас*. СПб. : Питер, 2008.
35. Reddy W. The Navigation of Feeling. Cambridge University Press, 2004.

Artemy V. Magun, European University at Saint Petersburg (Saint Petersburg, Russian Federation).
E-mail: amagun@eu.spb.ru

Ivan B. Mikirtumov, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation).
E-mail: i.mikirtumov@spbu.ru

Andrey A. Parkhomenko, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation).
E-mail: aap-91@yandex.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2020. 57. pp. 60–73.
DOI: 10.17223/1998863X/57/7

NARRATIVE AND AFFECT IN THE ANALYSIS OF FOREIGN POLICY RHETORIC

Keywords: policy rhetoric; narrative; affect; hysteria.

The article is devoted to the narrative aspects of the foreign policy rhetoric of Russia. It singles out the stages of its development (since 1994), its content, and its plot. The current intensity of affect in politics is often explained through psychological or even neurological reasons, but, in this article, the authors tried to place it into the literary and rhetorical context. The politicians responsible for framing the Russian national policy use narrative constructions that are supposed to channel the audience's negative feelings and to reinforce them. The emotionality of politics has to do with the ambivalence of international relations conceived either as an unexpected encounter with evil forces or as a frustration of hopes and rejection of appeals by a superior power. In the former case, the narrative (both tragic and sentimental) tells of Russia's striving for its shining future which constantly fails through the intervention of bad luck. In the latter case, Russia's kind and friendly intentions and initiatives meet with neglect on the part of the West, all this in the context of the incessant clashes with the "evil". Russia's identity is defined ambivalently, as the identity of a victim and of a hero, which produces tension periodically spilling into international conflicts. In the current period, the frustrations and the attacks of evil forces are ousted into the past, and the narrative proceeds from Russia's victory that is supposed to have already happened. However, these victory claims remain ambivalent because they are accompanied by emotional appeals to the West. These appeals put into question both the rupture with it and the independence from it, they bring us back to the failed hopes and to the trauma of rupture, thus producing a *hysterical* model of living the narrative's plot: the model that supports permanent and passive anxiety. Ceasing the intense communication with the West through the script of a novel, heroic fairy tale, or "hysteria" is possible with the *mythical* format of a "triumph of the hero over the beast", in which the hero would rely on his/her forces and depart from the meaningless dialogue with the "kings". With all its fictional nature, this narrative is less emotionally charged than in the first two cases. Therefore, it could potentially reduce the strain of the foreign policy process, unless it is just a phase of a dialogical anger reminding of Homer's Achilles: the offended hero withdraws to his ship and feasts there alone.

References

1. Putin, V.V. (2014) *Vystuplenie na zasedanii mezhdunarodnogo diskussionnogo kluba Valday, 24.10.2014* [Speech at a meeting of the Valdai International Discussion Club, October 24, 2014]. [Online] Available from: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/46860> (Accessed: 30th September 2019).
2. Wendt, A. (2004) The State as Person in International Theory. *Review of International Studies*. 30(02). pp. 289–316. DOI: 10.1017/S0260210504006084. 289
3. Sucharo, M. (2005) *The International Self: Psychoanalysis and the Search for Israeli-Palestinian Peace*. Albany, NY: State University of New York Press.
4. Greenfeld, L. (1992) *Nationalism: Five Roads to Modernity*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
5. Forsberg, T. (2014) Status conflicts between Russia and the West: Perceptions and emotional biases. *Communist and Post-Communist Studies*. 47. pp. 323–331. DOI: 10.1016/j.postcomstud.2014.09.006
6. Heller, R. (2018) More Rigor to Emotions! In: Clement, M. & Sangard, E. (eds) *Research in Emotions in International Relations*. London: Palgrave.
7. Medvedev, D. (2008) *Vystuplenie na vstreche s predstavitel'yami politicheskikh, parlament'skikh i obshchestvennykh krugov Germanii 5 iyunya 2008 g.* [Speech at a meeting with representatives of political, parliamentary and public circles in Germany on June 5, 2008]. [Online] Available from: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/320> (Accessed: 30th September 2019).
8. Magun, A. (2016) Hysterical Machiavellianism: Russian Foreign Policy and the International Non-Relation. *Theory & Event*. 19(3).
9. Hobbes, T. (1964) *Izbrannye proizvedeniya v dvukh tomakh* [Selected Works in two vols]. Vol. 1. Translated from English. Moscow: Mysl'.
10. Dubois, J., Edeline, F., Klinkenberg, J.-M., Mengre, F., Peer, F. & Trignon, A. (1986) *Obshchaya ritorika* [General Rhetoric]. Moscow: Progress.
11. Bitzer, L. (1968) The Rhetorical Situation. *Philosophy and Rhetoric*. 1. pp. 1–14
12. Fisher, W.R. (1987) *Human Communication as Narration. Toward a Philosophy of Reason, Value, and Action*. Columbia: University of South Carolina Press.
13. Walton, D., Reed, Ch. & Macagno, F. (2008) *Argumentation Schemes*. Cambridge: Cambridge University Press.

14. White, H. (2002) *Metaistoriya: Istoricheskoe voobrazhenie v Evrope XIX v.* [Metahistory: The Historical Imagination in 19th Century Europe]. Translated from English by E.G. Trubina, V.V. Kharitonov. Ekaterinburg: Ural State University.
15. Meletinsky, E. (1986) *Vvedenie v istoricheskuyu poetiku eposa i romana* [Introduction to the Historical Poetics of the Epic and the Novel]. Moscow: Nauka.
16. McLeon, M. (2000) *Theory of the Novel: A Historical Approach*. Baltimore: John Hopkins University Press.
17. Drozdova, O. & Robinson, P. (2019) A Study of Vladimir Putin's Rhetoric. *Europe-Asia Studies*. 71(4). pp. 1–19. DOI: 10.1080/09668136.2019.1603362
18. Korgunuyuk, Y. (2010) Populist tactics and populist rhetoric in political parties of Post-Soviet Russia. *Sociedade e Cultura. Goiânia*. 13(2). pp. 233–245. DOI: 10.5216/sec.v13i2.13427
19. Duță, A.-E. (2017) Case study: the expression of nationalism in Vladimir Putin's rhetoric. *Research and Science Today*. 2(14). pp. 12–22.
20. Kupfer, M. & de Waal, T. (2014) *Crying Genocide: Use and Abuse of Political Rhetoric in Russia and Ukraine*. Carnegie Endowment for International Peace. [Online] Available from: <https://carnegieendowment.org/2014/07/28/crying-genocide-use-and-abuse-of-political-rhetoric-in-russia-and-ukraine-pub-56265> (Accessed: 30th September 2019).
21. Bershidsky, L. (2014) The return of 1980s rhetoric in Russia. *The Japan Times*. 21st February. [Online] Available from: <https://www.japantimes.co.jp> (Accessed: 30th September 2019).
22. Borgen, Ch. (2015) Law, Rhetoric, Strategy: Russia and Self-Determination Before and After Crimea. *International Law Studies*. 91. pp. 218–280.
23. Tchapanian, V. (2016) A critical analysis of speeches by President Vladimir Putin and President Barack Obama concerning the Crimean events. *Arts and Humanities in Higher Education*. 1 – 2(20). pp. 31–38.
24. The Russian Federation. (1994) *Obrashchenie Prezidenta RF B.N. El'tsina k grazhdanam Rossiyskoy Federatsii v svyazi s situatsiyey v Chechenskoy respublike* [Address of the President of the Russian Federation B.N. Yeltsin to the citizens of the Russian Federation in connection with the situation in the Chechen Republic]. [Online] Available from: <https://yeltsin.ru/archive/audio/9036/> (Accessed: 30th September 2019).
25. *Kommersant*". (1995) Kanadskiy benefis Borisa El'tsina [Canadian performance of Boris Yeltsin]. 20th June. [Online] Available from: <https://www.kommersant.ru/doc/111315> (Accessed: 30th September 2019).
26. *Kommersant*". (1999) Teleobrashchenie prezidenta Rossii Borisa El'tsina 24 marta 1999 goda [Television address of the President of Russia Boris Yeltsin on March 24, 1999]. 25th March. p. 2.
27. Ris, N. (2003) *Russkie Razgovory* [Russian Conversations]. Moscow: NLO.
28. Magun, A.V. (2008) *Otritsatel'naya revolyutsiya* [Negative revolution]. St. Petersburg: EU SPb.
29. Kamyshev, A. (1999) Kommunisty gotovy k voyne [Communists are ready for war]. *Kommersant*". 26th March. p. 3.
30. Eltsin, B.N. (2008) *Prezidentskiy marafon: Razmyshleniya, vospominaniya, vpechatleniya* [Presidential Marathon: Reflections, Memories, Impressions]. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN).
31. The Russian Federation. (1999) "Kompleks mer po navedeniyu poryadka i distsipliny v Dagestane одобрен Президентом России и бюджет последовател'но претворят'sya v zhizn", – zayavil Vladimir Putin [A set of measures to restore order and discipline in Dagestan has been approved by the President of Russia and will be consistently implemented," said Vladimir Putin]. *Rossiyskaya gazeta*. 11th August. pp. 1–2.
32. *Rossiyskaya gazeta*. (1999) Vladimir Putin govorit o glavnom [Vladimir Putin talks about the main thing]. 17th August. pp. 1, 3.
33. Glucksman, A. (2006) *Dostoevskiy na Mankhettene* [Dostoevsky in Manhattan]. Translated from English by V. Babintsev. Moscow: U-Faktoriya.
34. Sartre, J.-P. (2008) *Ocherk teorii emotsiy* [Essay on the theory of emotions]. Translated from French by E.E. Nasinovskaya, A.A. Puzirey. In: Vilyunas, V.K. (ed.) *Psikhologiya emotsiy* [Psychology of Emotions]. St. Petersburg: Piter.
35. Reddy, W. (2004) *The Navigation of Feeling*. Cambridge University Press.